

И. А. Гончаров

**Полное собрание
сочинений**

Том 8

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Г65

Г65 **Гончаров И.А.**
Полное собрание сочинений: Том 8 / И. А. Гончаров – М.: Книга по Требова-
нию, 2021. – 448 с.

ISBN 978-5-517-83484-3

ISBN 978-5-517-83484-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Часть первая.

I.

Два господина сидѣли въ небрежно-убранной квартирѣ въ Петербургѣ, на одной изъ большихъ улицъ. Одному было около тридцати пяти, а другому около сорока пяти лѣтъ.

Первый былъ Борисъ Павловичъ Райскій, второй—Иванъ Ивановичъ Аяновъ.

У Бориса Павловича была живая, чрезвычайно подвижная физіономія. Съ перваго взгляда онъ казался моложе своихъ лѣтъ: большой бѣлый лобъ блисталъ свѣжестью, глаза мѣнялись, то загорались мыслию, чувствомъ, веселостью, то задумывались мечтательно, и тогда казались молодыми, почти юношескими. Иногда же смотрѣли они зрѣло, устало, скучно и обличали возрастъ своего хозяина. Около глазъ собирались даже три легкія морщины, эти неизгладимые знаки времени и опыта. Гладкіе черные волосы падали на затылокъ и на уши, а въ вискахъ серебрилось нѣсколько бѣлыхъ волосъ. Щеки такъ же, какъ и лобъ, около глазъ и рта, сохранили еще молодые цвѣта, но у висковъ и около подбородка цвѣтъ былъ изжелта-смугловатый.

Вообще легко можно было угадать по лицу ту пору жизни, когда совершилась уже борьба молодости со зрѣлостью, когда человѣкъ перешелъ на вторую половину жизни.

когда каждый пережитой опыт, чувство, болѣзнь, оставляютъ слѣдъ. Только ротъ его сохранялъ, въ неумолимой игрѣ тонкихъ губъ и въ улыбкѣ, молодое, свѣжее, иногда почти цѣткое выраженіе.

Раѣскій одѣтъ былъ въ домашнее сѣренькое пальто. сидѣлъ съ ногами на диванѣ.

Иванъ Ивановичъ былъ напротивъ въ черномъ фракѣ. Вѣлыя перчатки и шляпа лежали около него на столѣ. У него лицо отличалось спокойствіемъ, или скорѣе равнодушнымъ ожиданіемъ ко всему, что можетъ около него происходить.

Смышленный взглядъ, неглухая губы, смугло-желтоватый цвѣтъ лица, красно подстриженные, съ сильной просѣдью, волосы на головѣ и бакенбардахъ, умѣренныя движенія, сдержанная рѣчь и безукоризненный костюмъ — вотъ его наружный портретъ.

На лицѣ его можно было прочесть покойную увѣренность въ себя и пониманіе другихъ, выглядывавшія изъ глазъ.—Пожилъ человекъ, знаетъ жизнь и людей, скажетъ о немъ наблюдатель, и если не отнесетъ его къ разряду особенныхъ, высшихъ натуръ, то еще менѣе къ разряду натуръ наивныхъ.

Это былъ представитель большинства уроженцевъ универсальнаго Петербурга, и вмѣстѣ то, что называютъ свѣтскимъ человекомъ. Онъ принадлежалъ Петербургу и свѣту, и его трудно было бы представить себѣ гдѣ-нибудь въ другомъ городѣ, кромѣ Петербурга, и въ другой сферѣ, кромѣ свѣта, т. е. извѣстнаго высшего слоя петербургскаго населенія; хотя у него есть и служба, и свои дѣла, но его чаще всего встрѣчались въ бѣднѣйшей части гостиныхъ, утромъ—съ визитами, на обѣдахъ, на вечерахъ: на послѣднихъ всегда за картами. Онъ—такъ себѣ: ни характеръ, ни безхарактерность, ни знаніе, ни невежество, ни убѣжденіе, ни скептицизмъ.

Незнаніе или отсутствіе убѣжденія облечено у него въ

форму какого-то легкаго, поверхностнаго всеотрицанія: онъ относился ко всему небрежно, ни передъ чѣмъ искренно не склоняясь, ничему глубоко не вѣря и ни къ чему особенно не пристращаясь. Немного насмѣшливъ, скептиченъ, равнодушенъ и ровенъ въ сношеніяхъ со всѣми, не даря никого постоянной и глубокой дружбой, но и не преслѣдуя никого настойчивой враждой.

Онъ родился, учился, выросъ и дожилъ до старости въ Петербургѣ, не выѣзжая далѣе Лахты и Ораніенбаума съ одной, Токсова и Средней-Рогатки съ другой стороны. Отъ этого въ немъ отражались, какъ солнце въ каплѣ, весь петербургскій міръ, вся петербургская практичность, нравы, тонъ, природа, служба,—эта вторая петербургская природа, и болѣе ничего.

На всякую другую жизнь у него не было никакого взгляда, никакихъ понятій кромѣ тѣхъ, какія даютъ свои и иностранныя газеты. Петербургскія страсти, петербургскій взглядъ, петербургскій годовоі обиходъ пороковъ и добродѣтелей, мыслей, дѣлъ, политики, и даже, пожалуй, поэзіи, — вотъ гдѣ вращалась жизнь его, и онъ не порывался изъ этого круга, находя въ немъ полное до роскоши удовлетвореніе своей натурѣ.

Онъ равнодушно смотрѣлъ сорокъ лѣтъ сряду, какъ съ каждой весной отплывали за границу биткомъ-набитые пароходы, уѣзжали внутрь Россіи diligэнсы, вполстѣдствіи вагоны, — какъ двигались толпы людей «съ наивнымъ настроеніемъ» дышать другимъ воздухомъ, освѣжагься, искать впечатлѣній и развлеченій.

Никогда не чувствовалъ онъ подобной потребности, да и въ другихъ не признавалъ ея, а глядѣлъ на нихъ, на этихъ другихъ, покойно, равнодушно, съ весьма приличнымъ выраженіемъ въ лицѣ и взглядомъ, говорившимъ: — Пусть-де ихъ себѣ, а я не поѣду.

Онъ говорилъ просто, свободно переходя отъ предмета

къ предмету, всегда зналъ обо всемъ, что дѣлается въ мѣрѣ, въ свѣтъ и въ городѣ; слѣдилъ за подробностями войны, если была война, узнавалъ равнодушно о перемѣнѣ англійскаго или французскаго министерства, читалъ послѣднюю рѣчь въ парламентѣ и во французской палатѣ депутатовъ, всегда зналъ о новой пьесѣ, и о томъ, кого зарѣзали ночью на Выборгской Сторонѣ. Зналъ генеалогію, состояніе дѣлъ и имѣній и скандальзную хронику каждаго большого дома столицы; — зналъ всякую минуту, чтò дѣлается въ администраціи, о перемѣнахъ, новышеніяхъ, наградахъ, — зналъ и сплетни городекія: словомъ, зналъ хорошо свой мѣръ.

Утро уходило у него на мыканье по свѣту, т. е. по гостинымъ, отчасти на дѣла и службу, — вечеръ нерѣдко онъ начиналъ спектаклемъ, а кончалъ всегда картами въ англійскомъ клубѣ, или у знакомыхъ, а знакомы ему были всѣ.

Въ карты игралъ онъ безъ ошибки и имѣлъ репутацію пріятнаго игрока, потому что былъ снисходителенъ къ ошибкамъ другихъ, никогда не сердился, а глядѣлъ на ошибку съ такимъ же приличіемъ, какъ на отличный ходъ. Потому онъ игралъ и по большой, и по маленькой, и съ крупными игроками, и съ капризными дамами.

Строевую службу онъ прошелъ хорошо, протерши лямку около пятнадцати лѣтъ въ канцеляріяхъ, въ должностяхъ исполнителя чужихъ проектовъ. Онъ тонко угадывалъ мысль начальника, раздѣлялъ его взглядъ на дѣло и ловко излагалъ на бумагѣ разные проекты. Мѣнялся начальникъ, а съ нимъ и взглядъ, и проектъ: Аяновъ работалъ такъ же умно и ловко и съ новымъ начальникомъ, падъ новымъ проектомъ и докладными записки его правились всѣмъ министрамъ, при которыхъ онъ служилъ.

Теперь онъ состоялъ при одномъ изъ нихъ по особымъ порученіямъ. По утрамъ являлся къ нему въ кабинетъ, потомъ къ женѣ его въ гостиную, и дѣйствительно исполнялъ нѣкоторыя ея порученія, а по вечерамъ въ положенные

дни непременно составлять партію съ кѣмъ попросить. У него былъ довольно крупный чинъ и окладъ — и никакого дѣла.

Если позволено проникать въ чужую душу, то въ душѣ Ивана Ивановича не было никакого мрака, никакихъ тайнъ, ничего загадочнаго впереди, и сами макбетовскія вѣдьмы затруднились бы оболъстить его какимъ-нибудь болѣе блестящимъ жребіемъ, или отнять у него то, къ которому онъ шествовалъ такъ сознательно и достойно. Повысились изъ статскихъ въ дѣйствительные статскіе, и подь конецъ, за долговременную и полезную службу и «неусыпные труды», какъ по службѣ, такъ и въ картахъ — въ тайные совѣтники, и бросить якорь въ портѣ, въ какой-нибудь нетлѣнной комиссіи или въ комитетѣ, съ сохраненіемъ окладовъ, — а тамъ, волнуясь себѣ человѣческій океанъ, мѣняясь вѣкъ, лети въ пучину судьба народовъ, царствъ, — все пролетитъ мимо его, пока апоплексическій или другой ударъ не остановитъ теченіе его жизни.

Аяновъ былъ женатъ, овдовѣлъ и имѣлъ двѣнадцать лѣтъ дочь, воспитывавшуюся на казенный счетъ въ институтѣ, а онъ, устроивъ свои дѣлшки, велъ покойную и беззаботную жизнь стараго холостяка.

Одно только нарушало его спокойствіе—это геморрой отъ сидячей жизни; въ перспективѣ представлялось для него тревожное событіе — прервать на время эту жизнь и побывать гдѣ-нибудь на водахъ. Такъ грозилъ ему докторъ.

— Не пора ли одѣваться: четверть пятаго! — сказали Аяновъ.

— Да, пора, — отвѣчалъ Райскій, очнувшись отъ задумчивости.

— О чемъ ты задумался?—спросилъ Аяновъ.

— О комъ? — поправилъ Райскій. — Да о ней все... о

Софьѣ...

— Опять! Ну!—замѣтилъ Аяновъ.

Райскій сталъ одѣваться.

— Ты не скучаешь, что я тебя туда таскаю?—спросилъ Райскій.

— Нимало: не все равно играть, что тамъ, что у Ивлевыхъ? Оно, правда, совѣстно немного обыгрывать старухъ: Анна Васильевна бьетъ карты своего партнёра со-слѣпа, а Надежда Васильевна велухъ говорить, съ чего поидеть.

— Не безпокойся, не оберешь по пяти копеекъ. У обѣихъ старухъ до шестидесяти тысячъ дохода.

— Знаю, и это все Софья Николаевна достанется?

— Ей: она родная племянница. Да когда еще достанется! Онѣ скупы, переживуть ее.

— У отца вѣдь, кажется, немного...

— Нѣтъ, все спустили.

— Да куда онъ тратитъ? Въ карты почти не играетъ.

— Какъ, куда? А женщины? А эта бѣготня, petits soupers, весь этотъ train? Зимой въ пять тысячъ сервизъ подарилъ на вечеръ Armance, а она его-то и забыла пригласить къ ужину...

— Да, да, слышала. За что? Что онъ у ней тамъ дѣлаетъ?..

Оба засмѣялись.

— Отъ мужа у Софьи Николаевны, кажется, тоже много осталось!

— Нѣтъ, тысячъ семь дохода; это ея карманная деньги. А то все отъ тѣтокъ. Но пора! — сказалъ Райскій. — Миѣ хочется до обѣда еще по Невскому пройтись.

Аяновъ и Райскій пошли по улицѣ, бивая, раскланиваясь и пожимая руки направо и налево.

Долго ты нынче просидишь у Беловодовой?

— Пока не выгонять—какъ обыкновенно. А что, скучно?

— Нѣтъ, я думала, посию ли я къ Ивлевымъ? Миѣ скучно не бываетъ...

— Счастливый человекъ! — съ завистью сказалъ Рай-

скій. — Если бъ не было на свѣтѣ скуки! Можетъ ли быть люгѣ бича?

— Молчи, пожалуйста! — съ суетвѣрнымъ страхомъ остановилъ его Аяновъ:—еще накличень что-нибудь! А у меня одинъ геморрой чего-нибудь да стѣбитъ! Доктора только и знаютъ, что вонь отсюда шлютъ: далась имъ эта сидячая жизнь — всѣ бѣды въ ней видятъ! Да воздухъ еще: чего лучше этого воздуха?—Онъ съ удовольствіемъ нюхнулъ воздухъ. — Я теперь выбралъ подобрѣе аскулапа: тотъ хочетъ лѣтомъ кислымъ молокомъ лѣчить меня: у меня вѣдь закрытый... ты знаешь? Такъ ты отъ скуки ходишь къ своей кузинѣ?

— Какой вопросъ: разумеется! Развѣ ты не отъ скуки сядишься за карты? Всѣ отъ скуки спасаются, какъ отъ чумы.

— Какое же ты жалкое лѣкарство выбралъ отъ скуки—переливать изъ пустого въ порожнее съ женщиной: каждый день одно и то же!

— А въ картахъ развѣ не одно и то же? А вотъ ты прячешься въ нихъ отъ скуки...

— Ну, нѣтъ, не одно и то же: какой-то англичанинъ вывелъ комбинацію, что одна и та же сдача картъ можетъ повториться лѣтъ въ тысячу только... А шансы? А характеры игроковъ, манера каждаго, ошибки?.. Не одно и то же! А вотъ съ женщиной биться зиму и весну! Сегодня, завтра... вотъ этого я не понимаю!

— Ты не понимаешь красоты: что же дѣлать съ этимъ? Другой не понимаетъ музыки, третій живописи: это неразвитость своего рода...

— Да, именно—своего рода. Вонъ у меня въ отдѣленіи служилъ помощникомъ Иванъ Петровичъ: тотъ ни одной чиновницѣ, ни одной горничной проходу не даетъ, т.-е. красивой, конечно. Всѣмъ говорить любезности, подносить конфеты, букеты: онъ развитъ, что ли?

Оставимъ этотъ разговоръ, — сказать Райскій: — а то онять оба на стѣну полѣземъ, чуть не до драки. Я не понимаю твоихъ картъ, и ты въ правѣ назвать меня невѣждой. Не суйся же и ты судить и рядить о красотѣ. Всякій по-своему наслаждается и картиной, и статуей, и живой красотой женщины: твой Иванъ Петровичъ такъ, я иначе, а ты никакъ, — ну, и при тебѣ!

— Ты играешь съ женщинами, какъ я вижу, — сказать Аяновъ.

— Ну, играю, и что же? Ты тоже играешь и обыгрываешь почти всегда, а я всегда проигрываю... Что же тутъ дурного?

— Да, Софья Николаевна красавица, да еще богатая невѣста: женись и конецъ всему.

— Да—и конецъ всему, и начало скугъ!—задумчиво повторилъ Райскій.—А я не хочу конца! Успокойся, за меня бы ее и не отдали!

— Тогда, по-моему, и ходить не-зачѣмъ. Ты просто — донъ-Жуанъ!

— Да, донъ-Жуанъ, пустой человѣкъ: такъ, что ли, по-вашему?

— А какъ же: что жъ онъ по-твоему?

— Ну, такъ и Байронъ, и Гёте, и куча живописцевъ, скульпторовъ—все были пустые люди...

— Да ты—Байронъ или Гёте, что ли?..

Райскій съ досадой отвернулся отъ него.

— Донъ-жуанизмъ—то же въ людскомъ родѣ, что донъ-кихотство: еще глубже; эта потребность еще прирожденнѣе...—сказать онъ.

— Коли потребность—такъ женись... я тебѣ говорю...

— Ахъ! — почти съ отчаяніемъ произнесъ Райскій. — Видь жениться можно одинъ, два, три раза: ужели я не могу наслаждаться красотой такъ, какъ бы наслаждался красотой въ статуѣ? Донъ-Жуанъ наслаждался прежде всего

эстетически этой потребностью, но грубо; сынъ своего вѣка, воспитанія, нравовъ, онъ увлекался за предѣлы этого поклоненія—вотъ и все. Да что толковать съ тобой!

— Коли не жениться, такъ не зачѣмъ и ходить, — апатично повторилъ Аяновъ.

— А знаешь — ты отчасти правъ. Прежде всего скажу, что мои увлеченія всегда искренни и неумышленны: — это не волокитство — знай однажды и навсегда. И когда мой идолъ хоть одной чертой подходитъ къ идеалу, который фантазія сейчасъ создастъ мнѣ изъ него—у меня само собою додѣлается остальное, и тогда возникаетъ идеаль счастья, семейнаго...

— Вотъ видишь; ну, такъ и женись...—замѣтилъ Аяновъ.

— Погоди, погоди: никогда ни одинъ идеаль не доживалъ до срока свадьбы: блѣднѣлъ, падалъ, и я уходилъ охлажденный... Что фантазія создаетъ, то анализъ разрушаетъ, какъ карточный домикъ. Или самъ идеаль, не дождавшись охлажденія, уходитъ отъ меня...

— А все-таки, каждый день сидѣть съ женщиной и болтать!..—упрямо твердилъ Аяновъ, покачивая головой.—Ну, о чемъ, напримѣръ, ты будешь говорить хоть сегодня? Чего ты хочешь отъ нея, если ее за тебя не выдадутъ?

— И я тебя спрошу: чего ты хочешь отъ ея тетокъ? Какія карты къ тебѣ придутъ? Выиграешь ты, или проиграешь? Развѣ ты ходишь съ тѣмъ туда, чтобъ выиграть всѣ шестьдесятъ тысячъ дохода? Ходишь поиграть—и выиграть что-нибудь...

— У меня никакихъ расчетовъ нѣтъ: я дѣлаю это отъ... отъ... для удовольствія.

— Отъ... отъ скуки — видишь, и я для удовольствія — и тоже безъ расчетовъ. А какъ я наслаждаюсь красотой, ты и твой Иванъ Петровичъ этого не поймете, не во гнѣвъ тебѣ и ему — вотъ и все. Вѣдь есть же одни, которые молятся страстно, а другіе не знаютъ этой потребности, и...

— Страстно! Страсти мѣшаютъ жить. Трудъ — вотъ одно лѣкарство отъ пустоты: дѣло, — сказала Аяновъ внушительно.

Райскій остановился, остановилъ Аянова, ядовито улыбнулся и спросилъ:

— Какое дѣло, скажи, пожалуйста: это любопытно!

— Какъ какое? Служб.

Развѣ это дѣло? Укажи ты мнѣ въ службѣ, за немногими исключеніями, дѣло, безъ котораго бы нельзя было обойтись?

Аяновъ засвисталъ отъ удивленія.

— Вотъ тебѣ разъ! — сказалъ онъ и поглядѣть около себя. — Да вотъ!

Онъ указалъ на полицейскаго чиновника, который упорно глядѣлъ въ одну сторону.

— А спроси его, — сказала Райскій: — зачѣмъ онъ тутъ стоитъ, и кого такъ пристально высматриваетъ и выкидаетъ? Генерала! А насъ съ тобой не видитъ, такъ что любой прохожій можетъ вытащить у насъ платокъ изъ кармана. Ужели ты считаешь дѣломъ твои бумаги? Не будемъ распространяться объ этомъ, а скажу тебѣ, что я, право, больше дѣлаю, когда мажу свои картины, бряну на рояль и даже когда поклоняюсь красотѣ...

— И что особеннаго, кромѣ красоты, нашелъ ты въ своей кузницѣ?

— Кромѣ красоты! Да это все! Впрочемъ, я мало знаю ее: это-то, вмѣстѣ съ красотой, и влечетъ меня къ ней...

— Какъ, каждый день вмѣстѣ и мало знаешь?...

Мало. Не знаю, что у нея кроется подъ этимъ спокойствіемъ. не знаю ее прошлаго и не угадываю ее будущаго. Женщина она, или кукла, живетъ или поддѣляется подъ жизнь? И это мучитъ меня... Вонъ, смотри, — продолжалъ Райскій: — видишь эту женщину?

— Ту толстую, что лѣзетъ съ узломъ на извозчика?